

Введение.

Для попытки толкования сновидений, я не переступаю на мой взгляд, замкнутого круга невропатологических интересов. Сновидение в психологическом анализе служит первым звеном в ряду аномальных психических феноменов, из которых дальнейшие—истерическая фобия, навязчивые мысли и бредовые идеи должны интересовать врача по практическим соображениям. На такое практическое значение сновидения—как мы увидим—претендовать не может. Но тем значительнее его теоретическая ценность в качестве парадигмы. Кто не сумеет объяснить себе возникновение сновидений, тот напрасно будет стараться понять различного рода фобии, навязчивые мысли, бредовые идеи и их терапевтическое значение.

Эта тесная взаимозависимость, которой обязана своей важностью разбираемая нами тема, является, однако, причиной и недостатков предлагаемой работы. Проблемы, имѣющіеся въ послѣднемъ въ столь обильномъ количествѣ, соотвѣтствуютъ столькимъ же точкамъ соприкосновенія, въ которыхъ проблема образованія сновидѣній входитъ въ болѣе общіе проблемы психопатологіи, которыя не освѣщаются тутъ и которымъ будутъ посвящены дальнѣйшія изслѣдованія, поскольку позволять это время и силы.

Своеобразие матеріала, съ которымъ приходилось оперировать мнѣ для толкованія сновидѣній, чрезвычайно затрудняло мою работу. Изъ изложенія само собою будетъ ясно, почему всѣ сновидѣнія, описанныя въ литературѣ или собранныя отъ неизвѣстныхъ лицъ, совершенно непригодны для моихъ цѣлей. У меня былъ только выборъ между собственными сновидѣніями и сновидѣніями моихъ пациентовъ, пользующихся психоаналитическимъ леченіемъ. Использование послѣднихъ затруднялось кромѣ того тѣмъ, что эти сновидѣнія осложнялись привхожденіемъ невротическихъ элементовъ. Съ сообщеніемъ же соб-

стивныхъ сновидѣній была неразрывно связана необходимостью раскрывать передъ чужимъ взоромъ больше интимныхъ подробностей моей личной жизни, чѣмъ мнѣ бы хотѣлось и чѣмъ вообще долженъ открывать ихъ авторъ,—не поэтъ, а естествоиспытатель. Это было непріятно, не неизбѣжно. И я примирился съ этимъ, лишь бы не отказываться вообще отъ аргументаціи своихъ психологическихъ выводовъ. Я не могъ, конечно, противостоятъ искушенію при помощи различнаго рода сокращеній и пропусковъ скрывать наиболѣе интимныя подробности; но это всегда служило во вредъ данному примѣру, какъ доказательному аргументу. Я могу надѣяться только, что читатели моей книги поймутъ мое затруднительное положеніе и будутъ ко мнѣ снисходительны и, далѣе, что всѣ лица, которыя такъ или иначе затрагиваются въ этихъ сновидѣніяхъ, не откажутся предоставить по крайней мѣрѣ ~~мнѣ~~ ^{мнѣ} ~~мнѣ~~ ^{мнѣ} полную свободу мысли.

Предисловіе ко второму изданію.

Тѣмъ, что со дня выхода моей книги еще не прошло десяти лѣтъ, а уже появилась потребнѣсть во второмъ ея изданіи, я обязанъ отнюдь не интересу специалистовъ, къ которымъ обращался я во введеніи. Мои коллеги-психіатры не дали себѣ труда раздѣлаться съ тѣмъ первоначальнымъ сомнѣніемъ, которое должно было вызвать въ нихъ мое новое пониманіе сновидѣній, а философы, привыкшіе смотрѣть на проблему сновидѣнія, какъ на добавленіе къ вопросамъ сознанія, не поняли, очевидно, что именно отсюда можно извлечь кое-что, ведущее къ коренному преобразованію всѣхъ нашихъ психологическихъ теорій. Отношеніе научной критики могло только подтвердить мое ожиданіе,—что участіемъ моей книги будетъ упорное замалчиваніе ея.

Первое изданіе моей книги не могло цѣликомъ быть разобрано и той небольшою кучкой смѣлыхъ сторонниковъ, которые слѣдуютъ за мною по пути врачебнаго примѣненія психоанализа и которые по моему примѣру толкуютъ сновидѣнія, чтобы использовать это затѣмъ при лѣченіи ~~нѣвро~~нѣвротиковъ. Въ виду этого я считаю себя обязаннымъ выразить благодарность тѣмъ широкимъ кругамъ интеллигентныхъ и любознательныхъ лицъ, сочувствіе которыхъ и вызвало предложеніе, спустя девять лѣтъ, взяться снова за мой трудный и во многихъ отношеніяхъ капитальный трудъ.

Съ удовлетвореніемъ могу я сказать, что исправлять и измѣнять мнѣ пришлось очень немногое. Я включилъ только кое-гдѣ новый матеріалъ, добавилъ нѣсколько замѣчаній, вытекавшихъ изъ моихъ продолжительныхъ наблюденій и мѣстами кое-что переработалъ. Все существенное же о сновидѣніи и его толкованіи, а такъ же и вытекающіе изъ послѣдняго общіе психологическіе принципы остались безъ измѣненія. Все это—по крайней мѣрѣ, субъективно—выдержало испытаніе времени. Кто знакомъ съ моими другими работами (объ этиологіи и ме-

ханизмъ психоневрозовъ), тотъ знаетъ, что я никогда не выдавалъ неготоваго и неполнаго за полное и готовое и всегда старался измѣнять свои утверждения, когда они переставали соответствовать моимъ убѣжденіямъ. Въ сферѣ же толкованія сновидѣній я остался на своей первоначальной точкѣ зрѣнія. За долгіе годы своей работы надъ проблемой неврозовъ я неоднократно колебался и мѣнялъ свои взгляды. Только въ своемъ «толкованіи сновидѣній» я всегда находилъ твердую точку опоры. И многочисленные мои научные противники обнаруживаютъ большую чуткость, избѣгая столкновенія со мной на почвѣ проблемы сновидѣнія.

Матеріалъ моей книги, эти въ большинствѣ своемъ уже обезцѣненные давностью сновидѣнія, на примѣрѣ которыхъ я объясняю принципы толкованія сновидѣній, также оказались при пересмотрѣ не удовлетворяющими въ какой-либо переработкѣ. Для меня лично эта книга имѣетъ еще другое субъективное значеніе, которое я сумѣлъ понять лишь по ея окончаніи. Она оказалась отрывкомъ моего самоанализа,—реакціей на смерть моего отца, на крупнѣйшее событіе и тягчайшую утрату въ жизни человѣка. Понявъ это, я считъ невозможнымъ уничтожить черты этого воздѣйствія. Для читателя же совершенно безразлично, на какомъ матеріалѣ учится онъ оцѣнивать и толковать сновидѣнія.

Такъ, гдѣ необходимое замѣчаніе не укладывалось въ логическую связь съ прежнимъ изложеніемъ, я заключалъ его въ квадратныя скобки.

Берхтесгаденъ, мѣсто 1908 г.



Предисловіе къ третьему изданію.

Въ то время какъ между первымъ и вторымъ изданіемъ этой книги прошло девять лѣтъ,—потребность въ третьемъ ощутилась немного болѣе чѣмъ черезъ годъ. Я вполне вправѣ радоваться такой перемѣнѣ. Но если прежде пренебреженіе моимъ трудомъ со стороны его читателей я не считалъ доказательствомъ его негодности, то теперь пробудившійся къ нему интересъ не доказываетъ еще его положительныхъ качествъ.

Прогрессъ научной мысли не оставилъ въ сторонѣ и „Толкованія сновидѣній“. Когда въ 1899 году я писалъ эту книгу, сексуальной теоріи еще не было, а анализъ сложныхъ формъ психоневрозовъ только еще зарождался. Толкованіе сновидѣній должно было стать вспомогательнымъ средствомъ для осуществленія анализа неврозовъ. Углубившееся изученіе послѣднихъ само въ свою очередь стало оказывать вліяніе на толкованіе сновидѣній. Ученіе о послѣднемъ пошло по пути, который недостаточно опредѣленно былъ выраженъ въ первомъ изданіи этой книги. Благодаря собственному опыту и работамъ В. Штекеля и другихъ я научился правильнѣе оцѣнивать объемъ и значеніе символики въ сновидѣніи (или, вѣрнѣе, въ безсознательномъ мышленіи). И такимъ образомъ въ теченіе этихъ лѣтъ скопилось многое, требовавшее особаго вниманія къ себѣ. Я попытался использовать все это, прибѣгнувши къ помощи примѣчаній и вставокъ въ текстъ. Если добавленія эти угрожаютъ мѣстами переступить рамки изложенія или если не вездѣ удалось поднять первоначальный текстъ до уровня нашихъ нынѣшнихъ взглядовъ, то къ этимъ недостаткамъ своей книги я прошу снисхожденія; они являются лишь слѣдствіями и результатами быстраго темпа развитія нашего знанія. Я рѣшаюсь кромѣ того сказать заранѣе, по какимъ другимъ путямъ отклонятся послѣдующія изданія „Толкованія сновидѣній“,—если окажется въ

нихъ потребность. Они должны будутъ приблизиться болѣе къ богатому матеріалу поэзіи, міеа, языка и народнаго быта,—съ другой же стороны, коснутся болѣе подробно, чѣмъ теперь, отношенія сновидѣній къ неврозамъ и психическимъ разстройствамъ.

Г. Отто Ранкъ оказалъ мнѣ весьма цѣнныя услуги при подборѣ матеріала, и я выражаю ему и другимъ глубокую благодарность за ихъ указанія.

Вѣна, весна 1911 г.



I.

Научная литература по вопросу о сновидѣніяхъ. *)

Въ дальнѣйшемъ изложеніи я постараюсь привести доказательство того, что существуетъ психологическая техника, которая позволяетъ толковать сновидѣнія, и что при примѣненіи этого метода любое сновидѣніе оказывается осмысленнымъ психическимъ феноменомъ, которое можетъ быть въ соответствующемъ мѣстѣ включено въ душевную дѣятельность бодрствованія. Я попытаюсь далѣе выяснить тѣ процессы, которые обусловливаютъ странность и непонятность сновидѣнія, и вывести на основаніи ихъ заключеніе относительно природы психическихъ силъ, изъ сотрудничества или соперничества которыхъ образуется сновидѣніе. Но на этомъ пунктѣ изложеніе мое закончится, такъ какъ далѣе проблема сновидѣнія переходитъ въ болѣе обширную проблему, разрѣшеніе которой нуждается въ другомъ матеріалѣ.

Своему изложенію я предпосылаю обзоръ работъ другихъ авторовъ, а также и современнаго положенія проблемы сновидѣнія въ наукѣ; дѣлаю я это потому, что въ дальнѣйшемъ буду имѣть мало поводовъ возвращаться къ этому. Научное пониманіе сновидѣнія, несмотря на тысячелѣтнія попытки, ушло впередъ очень мало. Въ этомъ такъ единодушны всѣ авторы, что излишне выслушивать по этому поводу ихъ отдѣльные голоса. Въ сочиненіяхъ, списокъ которыхъ я прилагаю въ концѣ своей книги, имѣется много цѣнныхъ замѣчаній и интереснаго матеріала для нашей темы, но тамъ нѣтъ ничего или почти ничего, что касалось бы самой сущности сновидѣнія и разрѣшало бы его тайну. Еще меньше перешло, понятно, въ пониманіе интеллигентныхъ читателей—неспециалистовъ.

Первое сочиненіе, въ которомъ сновидѣніе разсматривается, какъ объектъ психологіи, принадлежитъ, повидимому,

*) До 1900 года.

Аристотелю. („О сновидѣніяхъ и толкованіи ихъ“). Аристотель заявляетъ, что сновидѣніе дьявольскаго, а не божественнаго происхожденія; это раскрываетъ, однако, его глубокий смыслъ. Ему знакомы различные типы сновидѣній, онъ знаетъ, напримѣръ, что сновидѣніе превращаетъ мелкія раздраженія, наступающія во время сна, въ крупныя (кажется, будто идешь черезъ огонь и горюшь, когда на самомъ дѣлѣ происходитъ лишь незначительное согрѣваніе той или другой части тѣла) и выводитъ отсюда заключеніе, что сновидѣніе можетъ обнаружить передъ врачомъ первые, незамѣтные признаки начинающагося измѣненія въ тѣлѣ. Болѣе подробно изучить трудъ Аристотеля я не могъ, въ виду отсутствія необходимой подготовки.

Древніе до Аристотеля считали сновидѣніе, какъ извѣстно, не продуктомъ грезящей души, а внушеніемъ со стороны Божества: мы уже видимъ у нихъ оба противоположныхъ направленія, имѣющіяся на лицо во всѣхъ изслѣдованіяхъ сна и сновидѣнія. Они различаютъ истинныя и цѣльныя сновидѣнія, ниспосланныя спящему для предостереженія или для предсказанія будущаго, отъ тщеславныхъ, обманчивыхъ и ничтожныхъ, цѣлюю которыхъ было смутить спящаго или свергнуть его въ гибель. Это донаучное пониманіе сновидѣній вполне гармонировало съ общимъ міровоззрѣніемъ древнихъ, которое проектировало въ качествѣ реальности во внѣшній міръ только то, что имѣло реальность въ душевной жизни. Оно принимало въ соображеніе кромѣ того впечатлѣніе, которое получало мышленіе на утро отъ оставшагося воспоминанія о сновидѣніи, такъ какъ въ этомъ воспоминаніи сновидѣніе противопоставлялось остальному психическому содержанію, какъ нѣчто чуждое, происходящее словно изъ иного міра. Было бы ошибочно однако полагать, что ученіе о сверхъестественномъ происхожденіи сновидѣнія не имѣетъ сторонниковъ и въ настоящее время; не говоря уже обо всѣхъ містическихъ и мистическихъ писателяхъ, которые изъ всѣхъ силъ стараются наполнить какимъ-нибудь содержаніемъ остатки столь обширной въ прежнее время сферы сверхъестественнаго, покуда она не завоевывается естественно научнымъ изслѣдованіемъ,—очень часто встрѣчаются чрезвычайно развитые, далекіе отъ всякихъ подозрѣній люди, которые пытаются обосновать свою религіозную вѣру въ существованіе и во вмѣшательство сверхчеловѣческихъ духовныхъ силъ именно необъяснимостью явленій сна (Гафферн²²). Пониманіе сновидѣній нѣкоторыми философскими системами, напримѣръ, шел-

лингвіанцями, представляє собою очевидний отзвукъ твердаго убѣжденія древнихъ въ божественномъ происхожденіи сновидѣній.

Писать исторію научнаго изученія проблемы сновидѣній тѣмъ болѣе трудно, что въ этомъ изученіи, какъ ни цѣнно оно въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, нельзя замѣтить прогресса въ опредѣленномъ направленіи. Дѣло никогда не доходило до возведенія фундамента изъ прочно обоснованныхъ результатовъ, на которомъ послѣдующій изслѣдователь могъ бы продолжать свою постройку. Каждый новый авторъ принимается за изученіе проблемы сызнова. Если бы я сталъ разсматривать авторовъ въ хронологическомъ порядкѣ и про каждого изъ нихъ сообщать, какого онъ былъ воззрѣнія на проблему сновидѣнія,—мнѣ пришлось бы навѣрное, отказаться отъ составленія общаго нагляднаго обзора современнаго состоянія проблемы сновидѣнія. Я предпочелъ поэтому связать изложеніе съ сущностью разбираемыхъ вопросовъ, а не съ авторами и постараюсь при каждой проблемѣ указывать, какой матеріалъ имѣется въ литературѣ для ея разрѣшенія.

Такъ какъ, однако, мнѣ не удалось ослѣпить всю, чрезвычайно разбросанную и разностороннюю литературу вопроса, то я прошу читателей удовлетвориться сознаніемъ, что я не упустилъ ни одного существеннаго факта, ни одной значительной точки зрѣнія.

До недавняго времени большинство авторовъ считали необходимымъ разсматривать сонъ и сновидѣніе вмѣстѣ, а обычно присоединяли сюда еще и изученіе аналогичныхъ состояній, соприкасающихся съ психопатологіей, и сноподобныхъ явленій (каковы, напримѣръ, галлюцинаціи, видѣнія и т. п.) Въ противоположность этому и въ болѣе позднихъ работахъ обнаруживается стремленіе суживать по возможности тему и изслѣдовать какой-нибудь одинъ только вопросъ изъ области сновидѣній. Въ этой перемѣнѣ я вижу выраженіе того взгляда, что въ такихъ темныхъ вещахъ пониманія можно достигъ лишь цѣлымъ рядомъ детальныхъ изслѣдованій. Я и предлагаю здѣсь не что иное, какъ такое детальное изслѣдованіе спеціально психологическаго характера. У меня нѣтъ основаній заняться проблемою сна, такъ какъ это ужъ почти чисто фізіологическая проблема, хотя и въ характеристикѣ сна должно быть на-лицо измѣненіе условій функціонированія душевнаго аппарата. Я опускаю поэтому и литературу по вопросу о снѣ.

Научный интересъ къ проблемѣ сновидѣнія сводится къ

слѣдующимъ, отдѣльнымъ вопросамъ, отчасти скрещивающимся другъ съ другомъ.

а) Отношеніе сновидѣнія къ бодрствованію. Наивное сужденіе пробуждающагося человѣка предполагаетъ, что сновидѣніе,—если и не происходитъ изъ другого міра,—то во всякомъ случаѣ переноситъ его самого въ этотъ чуждый міръ. Старый физиологъ Бурдахъ⁸⁾, которому мы обязаны добросовѣстнымъ и остроумнымъ описаніемъ явленій сновидѣнія, выразилъ это убѣжденіе въ довольно часто цитируемомъ положеніи (стр. 474): «...жизнь дня съ ея тревоженіями и переживаніями, съ радостями и горестями никогда не воспроизводится въ сновидѣніи; послѣднее стремится скорѣе вырвать насъ изъ этой жизни. Даже когда вся наша душа преисполнена одной мыслью, когда острая боль разрываетъ наше сердце или когда какая-либо цѣль поглощаетъ цѣликомъ весь нашъ разумъ,—даже тогда сновидѣніе оживляетъ нѣчто совершенно своеобразное, или же беретъ для своихъ комбинацій только отдѣльные элементы дѣйствительности или же, наконецъ, входитъ въ тонъ нашего настроенія и символизируетъ дѣйствительность».

Въ аналогичномъ смыслѣ высказывается и Л. Птрюмпель⁸⁶⁾ въ своемъ справедливо прославившемся изслѣдованіи природы и возникновенія сновидѣній. (стр. 16): «Кто грезитъ, тотъ уносится изъ міра бодрственнаго сознанія»... (стр. 17): «Въ сновидѣніи совершенно исчезаетъ память относительно строго упорядоченнаго содержанія бодрственнаго сознанія и его нормальныхъ функций...» (стр. 19): «Почти полное отдѣленіе души въ сновидѣніи отъ осмысленнаго содержанія и теченія бодрственнаго состоянія».

Подавляющее большинство авторовъ придерживается, однако, противоположнаго мнѣнія относительно взаимоотношенія сновидѣнія и бодрствованія. Такъ, Гафферъ⁸²⁾ (стр. 19): «прежде всего сновидѣніе служитъ продолженіемъ бодрственнаго состоянія. Наши сновидѣнія стоятъ всегда въ связи съ представленіями, имѣвшими мѣсто незадолго до того въ сознаніи. Такое наблюденіе найдетъ всегда нить, которой сновидѣніе связано съ переживаніями предшествующаго дня». Вейгандтъ⁷⁶⁾ прямо противорѣчитъ вышеупомянутому утвержденію Бурдахъ: «Очень часто, повидимому, въ огромномъ большинствѣ сновидѣній можно наблюдать, что они возвращаютъ насъ въ повседневную жизнь, а вовсе не вырываютъ изъ нея». Морп⁴⁸⁾ говоритъ въ своей лаконической формулѣ: «Nous rêvons de ce que nous avons vu, dit, désiré ou fait». Иессенъ⁸⁰⁾ въ своей